

Поэт и Власть

(Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам
«времени большевиков»)¹

«В черном бархате советской ночи...»

О. Мандельштам

Любая власть стремится устроить жизнь людей по подобию сочиненного ею проекта. Иногда в сравнении с прошлым это небольшие изменения, иногда - радикальные и тем более сильные, чем жестче они вторгаются в реальную жизнь. Но и люди вольны строить свою жизнь, ускользая от давления власти или даже вопреки ему. За что они власти платят. Иногда жизнью. Но чаще, конечно, приспособляются и не всегда это замечают.

Случай Мандельштама – особый. Он не мог жить, потворствуя власти. Вернее – не мог жить по-иному, чем определил ему жить Творец. И тело человека Мандельштама в этом житии по воле Его не имело никакого значения. Поэт и – редкий случай – та, которая всю жизнь была рядом и служила ему, это знали.

* * *

Нам ничего не известно о причинах и обстоятельствах смерти поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Мы не знаем места его захоронения. Даже дата – 27 декабря 1938 года – сомнительна. Несомненно одно: его убила Власть. И как много говорит об этой кончине название того пространства суши, на котором завершилось его земное бытие. Окрестности Владивостока. Лагерный пункт «Вторая речка». Переименованное название одного из миллионов водных потоков, с которыми всегда был связан человек. Теперь, в этом обозначенном номером месте, по воле большевиков пребывает смерть. Да и как иначе? Ведь нельзя вместо номера дать реке имя. Все имена связаны с жизнью. У смерти имен нет. Поэтому еще у живых приговоренных отнимается имя и дается номер. Они предуготовляются к смерти. С номером же – биркой на ноге – лишённого жизни сваливают в общую яму с названием «братская могила». Название лживо, у братьев есть имена. Пронумерованные не могут быть братьями. Номера означают лишь их очередь на конвейере смерти. И в тридцать восьмом, на последнем участке ленты, в качестве малого физического фрагмента мировой материи Мандельштам участвовал в решении одной из задач большевистской власти - «комплексном освоении ранее необжитых территорий». Эту прижизненную

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №: 13-03-00041 «Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего».

задачу ему определила Власть, отняв предназначение божественное «глаголом жечь сердца людей».

* * *

О Поэте и его творениях исследователями написаны горы. Извлеку немного, вызывающее, на мой взгляд, несомненный с реальностью диссонанс. Многие исследователи и Н.А. Струве, в их числе, привычно для логики обычного человека о Поэте и большевистской власти говорят о некоей постепенной его эволюции в осмыслении событий Октября. Например, так: «По отношению к революции он колебался вначале между да и нет, прельщался порой «социальной архитектурой», подобно тому, как в молодости обольщался внешним единством католического Рима. Но «никогда он Рима не любил», точно так же он быстро почувствовал, что то, «куда мы должны вступить», не тень родного города, а «крыло надвигающейся ночи»². И только в конце 1933 года «решение становится действием». Стихами о Сталине он «бросает вызов миру», вступает в «беспримерный поединок со своим временем», «сам себе подписывая смертный приговор»³.

Но если стихи – материализация духовного, всего того, что изначально представляет собой Поэт, то Струве ошибается. Не было «колебаний», постепенного вызревания и состоявшегося лишь через шестнадцать лет после Октября «вызова миру». Все эти, приписываемые Мандельштаму модуляции сугубо рациональны, предполагают ту или иную форму разумной отсрочки, «взвешивание» «за» и «против», в определенной мере «головное» решение. Не исключено - взнуданную волю. Нарратив Мандельштама, как можно уловить из смысловой вибрации его стихов, иной. Поэт как «арестованный медведь», «природы вечный меньшевик» в переменах своих не властен. Да и в позднее предложенном Надеждой Мандельштам делении его творчества на «этапы», связанные с индивидуальными жизненными циклами, сущностных изменений личности не отмечается.

* * *

Если начинать с 1917 года и говорить об отношении к революции, то следует идти от первичного, принадлежащего самому Поэту, - его стихов. Датированные 16 августа 1917 года строки - предчувствие под названием «Меганом». В переводе с греческого – «Большое поселение, жилье». Им назван высокий мыс в юго-восточном Крыму. Что формируют в сознании читателя образы поэтического текста? Стихи - о судьбе обитателей «Большого дома» от сегодняшнего дня – до загробной беспамятной жизни. Масштаб задается изначальными словами:

² Струве Н. «Судьба Мандельштама». В кн.: «Православие и культура». М.: Русский путь. 2000. С. 415.

³ Там же. С. 416.

Еще далеко асфоделей
Прозрачно-серая весна...

Спрашивать у живущих о завтрашнем дне бессмысленно. Тени умерших, блуждающие среди цветов забвения, тем более ничего не могут знать о назревающих событиях. До большевистского переворота остается шесть недель. Но характер будущего неминуемо трагичен. Это следует из сверхрационального ощущения-предвидения автора, помещающегося в «пространстве» бытия - небытия между живущими и умершими. Поэт – медиум. Он видит, как под «ветряной луной» летают «хлопья черных роз» и траурной каймой влачится «птица смерти и рыдания». Он ощущает близость смерти. О ней дает знать и «черный парус», возникающий на горизонте после «похорон». Надвигающееся ужасно. Избежать его нельзя. И единственный доступный человеку способ отрешиться от него хотя бы в будущем – забвение.

И вот Октябрь. Первую, легко прочитываемую его оценку Поэт высказывает уже в ноябре. Ленин в стихах назван «октябрьским временщиком», который готовит стране «ярмо насилия и злобы». Из «красной подковы зданий» вылезает на свет низколобый пулеметчик в ошестинившемся «убийце-броневике», а злая чернь рукоплещет, когда на штыки накалывается сердце...

Если бы все это и в самом деле было временно.

Продолжение темы – декабрьское 1917 года стихотворение «Кассандре». Прорицательница не ошибается в предсказаниях будущего. Она предупреждала троянцев о спрятавшихся в деревянной статуе греках, но те все равно ввезли коня в город. При гибели Трои была захвачена в плен и та, которая остерегала. Ее история отражается Мандельштамом в стихах о недавней русской трагедии. Нас, только что все потерявших, «мучит воспоминанье» о предостережениях прорицательницы. Что осталось?

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями –
Свобода, равенство, закон!

Безумен или, напротив, рационален и провокативен человек, осыпающий волков икрами чужой цивилизации? Могут ли звери внимать ему? Их сдерживает только страх и ровно до той поры, пока перед ними пляшут еще не погасший огонь. Но он не долговечен, а содеянное «низколобыми» непоправимо и теперь

...На площадях и в тишине келейной

Мы сходим медленно с ума...

Тотальному ощущению Смерти посвящено и широко известное стихотворение с рефреном «Твой брат, Петрополь, умирает». Но если северная столица утратила бессмертие и близка к смерти, то Москва - «...в торговле хитрая лисица/...пред князем жалкая раба» - приспособилась к новой жизни и все увереннее правит волчьим миром. В ней, «столице непотребной», в «разбойном Кремле» гнездится большевистская Власть.

* * *

К счастью Поэт не все время пребывал в большевистской столице. Была Украина, был Крым. В этот период, когда Власть еще не успела взять его за горло⁴, в стихах Мандельштама обозначается весь грандиозный масштаб его личного восприятия мира, в котором где-то еще есть свобода.

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

Но случившееся случилось и забыть его невозможно. К «хлопьям черных роз» и «черному парусу» добавляются «Сухие листья октября,/Глухие вскормленники мрака». Стихи датированы «Осень 1920 (1917?)». Впрочем, не важно. А вот «октябрь» вполне читается как имя события. Какова же судьба ожидает его детей, подобных сухим листьям?

И на пороге тишины,
Среди беспомыслия природы.
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

При всем катастрофизме совершившегося, «сухие листья» лишь локальное в пределах мироздания трагическое событие в жизни всего одного из народов. Иные народы – их множество - по-прежнему вечны. Но можно ли этим утешиться? Мы-то в России. А здесь:

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,

⁴ Именно это ощущение – взятого за горло человека – передает нам установленная в Воронеже скульптура Осипа Мандельштама, выполненная Лазарем Гадаевым.

И ни одна звезда не говорит...

Это «не раньше 25 августа» 1921 года. И уже пришло сознание того, что в стране «распалась связь времен».

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-спасительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

...

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Случившееся – распад – очевиден. Исполнение возложенного на Поэта миссии - флейтой «связать» позвонки веков - сомнительна. Культура – подобие горящих головней, которыми до времени можно пугать волков. Но и без нее – миссии культуры - в жизни не остается никакой надежды и, кроме того, в силах ли Поэт избавиться от своего предназначения быть флейтой? И хотя он и ощущает себя ничтожно малым, это не мешает ему выполнять ему назначенное.

Я – трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

...

Лишив меня разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Еще одна часть важная часть мироощущения Поэта – слитность с окружающими. Он неизменно определяет себя как часть единого целого, ужасного, но все же накрепко связанного родственными узами:

Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея,
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,

Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,
Ручаюсь вам – себе свернете шею!

Но в отличие от «ужасного – родственного - целого», он обречен на собственную особую миссию-работу. Поэт награжден (скорее, как несущий трагическую весть гонец, гибельно назначен) артикулировать виденное - свершающийся ужас:

Я больше не ребенок!
Ты, могила,
Не смей учить горбатого – молчи!
Я говорю за всех с такою силой,
Чтоб небо стало небом, чтобы губы
Потрескались, как розовая глина.

К тому же, ужас состоявшегося мира многообразен. И нужно (назначено) успеть сказать обо всем виденном. Вот Крым эпохи коллективизации:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Но это – взгляд снаружи. А вот то, что он несет в себе, что чувствует сам. Из личных уральских впечатлений:

Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.

И, параллельно, не покидающая Поэта пытка-наваждение - предчувствие будущего:

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.

Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

Отдельного стоит рассмотреть как звучит у Мандельштама тема русского народа, традиционно любимого и превозносимого отечественной интеллигенцией. Все близко знавшие Поэта отмечали его живейший интерес к тому, что народом именовалось, а для Поэта - ко всем людям без исключения. Однако из этого вовсе не следует, что он, подобно Льву Толстому, тяготел к «народопоклонству» или и вовсе, как Достоевский со своим «мужиком Мареем» или идеей «всечеловечности», впадал в мифотворчество. Напротив, в его прозаическом произведении «Преступление и наказание в «Борисе Годунове» по поводу неоднозначно трактуемой сцены толпы у царских палат с последующим знаменитым пушкинским заключением «Народ безмолвствует» встречаем следующую оценку: «Крик отвратительной, слепой ненависти, который вырывается у мужика на амвоне: «Вязать Борисова щенка!» - заставляет нас окончательно разувериться в какой бы то ни было нравственной миссии народа».⁵

Народ для Поэта – все те, с кем он живет рядом. С кем рядом он в одиночку работает. Не более того. Для понимания именно такого толкования – еще несколько образов:

...Но как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу – и люди хороши.

...

...Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг...

...

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

...

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как прицелясь насмерть, городки зашибают в саду, -

⁵ Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга. 2010. С. 276.

Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топориче найду.

Признания - «люди хороши», «звучит земля», «лишь бы только любили меня». Чего большего ждать от сокровенного высказывания?

* * *

Но если отношения Поэта с народом – это жизнь и разговор с родственниками, с родными, какими они бы ни были – хорошие или дурные, то с Властью у Мандельштама, как и у многих, подходящих ему «по рангу», все сложнее. Из хрестоматийного на ум сразу же приходит разговор Пастернака с позвонившим ему Сталиным. В этом разговоре Борис Леонидович впрямую Мандельштама не защитил⁶. Хотя Надежда Яковлевна и не склонна его за это осуждать. Ей виднее.

Что определяло отношения Мандельштама и власти? Поэт не принял главное детище Власти – Октябрь и в значительной мере спровоцированную после него большевиками гражданскую войну⁷. И эта линия в его творчестве шла постоянно, включая знаменитое:

Мы живем, под собою не чуя страны...

Но было и иное. Наверное, сочиненное в ужасе от каждодневного ожидания расправы. Ужас длился годами. (Однажды Мандельштам даже

⁶ «Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или «ко мне» и не хлопотал о Мандельштаме. «Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, я бы на стены лез, чтобы ему помочь...»

Ответ Пастернака: «Писательские организации этим не занимаются с 27 –го года, а если б я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...» Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слова «друг», желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие дружбы, разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Да дело не в этом...» - «А в чем же?» - спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. «О чем?» - «О жизни и смерти», - ответил Пастернак. Сталин повесил трубку». Цит. по: Надежда Мандельштам. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус. 2006. С. 171.

⁷ Роспуск большевиками Учредительного собрания, а к лету 1918 года и советов, которые в сельской местности заменили Комитетами бедноты, по признанию Ленина была необходимая мера для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической посредством переноса классовой борьбы в деревню, то есть из нескольких городов с организованных в них большевистскими мятежами – на пространство всей страны.

пытался покончить с собой, выбросившись из окна). Вот – из тридцать пятого:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня или проворонишь,
Ты выронешь меня или вернешь, -
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...

А в начале тридцать седьмого неожиданно и впоследствии тягостно для самого себя прорвало:

Я рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай...

Он «мужество улыбкою связал». «И в дружбе мудрых глаз... /...вдруг узнаешь отца». «...Ему народ родной...», «Могучие глаза решительно добры/Густая бровь кому-то светит близко». «Весь – откровенность...». «Он улыбается улыбкою жнеца». «Есть имя славное для сильных губ чтеца./Его мы слышали, и мы его застали». «Хочу его назвать – не Сталин, - Джугашвили». Следом – еще более сильное:

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ как судия судит...

Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, -
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жить Сталин.

Как относиться к неприкрытому, хотя и довольно сдержанному славословию? Многие, - пишет Н.Я. Мандельштам, - советовали уничтожить стихи, будто ничего подобного никогда не было. «Но я этого не делаю, потому что правда была бы неполной: двойное бытие – абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал. Только другие сочиняли эти оды в своих квартирах и дачах и получали за них награды. Только О.М. сделал это с веревкой на шее... Ахматова – когда веревку стягивали на шее у ее сына.

Кто осудит их за эти стихи?»⁸. И вправду, не нам судить. Потому, что в то время не жили и не способны хотя бы в малой степени вообразить кошмар тогдашнего бытия. И потому что это – поступок великого человека. И потому, что наряду с этими стихами есть противоположные, всеобъемлющие⁹, заведомо гибельные.

Очевидно, относиться следует как к одной из красок на огромной словесной картине, оставленной художником-поэтом. Впрочем, сам Поэт как завещание потомкам (март 1937) произносит:

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски...

И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире, и выше
Отзвук неба во всю мою грудь!

Сердце Поэта методично раскалывали на куски все двадцать лет, при советской власти прожитые. Об этом – Надежда Мандельштам.

* * *

Восприятие мира Мандельштамом, передаваемое его стихами, органично дополняется мемуарной прозой жены, женщины удивительно умной и проницательной. С выходом ее трехтомника мы получили редкую возможность не только увидеть изнутри то событийное, что случилось с Поэтом. Может быть еще более ценны «сторонние», сделанные с близкого расстояния наблюдения, поданные через точные, беспощадные в своей прямоте оценки «большевистского времени».

Что обеспечивало их точность? Почему я думаю, что их нельзя потерять среди иных наблюдений подобного рода? Конечно, мы не найдем в них столь привычного гуманитариям анализа. Они не «вписаны» в какую-либо теорию, не подтверждают/опровергают предлагаемую автором какую-либо «концепцию». Но все же они ценны тем, что не позволяют после их усвоения поддаваться на принятие какой-либо легковесной конструкции. Они задают тональность, уровень и критерий, дающий возможность в дальнейшем, если повезет, смотреть на историю трезво и глубоко. Что же позволило Надежде

⁸ Там же. С. 240.

⁹ «Думаю, что он не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах». Там же. С. 186.

Яковлевне дать нам такое видение? Наверное, ее и Поэта близость, почти слитность, которую он называл «мое «ты»». ¹⁰

Конечно, «время большевиков» - колоссальная по масштабу тема и, кажется, не серьезно затрагивать ее в жанре малой статьи. Однако если абстрагироваться от горизонтов и выделить в ней только два аспекта, все же нечто по этому поводу сказать я попытаюсь. ¹¹ Итак, как в восприятии Н.Я. Мандельштам изменялось (меняло свою природу) общество и как эволюционировала послеоктябрьская (до конца тридцатых годов) власть.

* * *

Из более глубоких причин, оказавших влияние на мировоззрение послеоктябрьского российского общества, нужно сказать о некоторых чертах общего литературно-философского контекста второй половины XIX столетия. На мой взгляд, уже с Тургенева в русском мировидении, создаваемом классической литературой, четко обозначилась тема необычной для России общественной фигуры - нового «человека дела». В отличие от первых схематических попыток Гоголя с его позитивными персонажами второго тома «Мертвых душ», автор «Отцов и детей» впервые поставил своего героя на реальную почву. Еще более четко эта позиция была укреплена образом фабричного управленца Соломина – одного из героев заключительной части шеститомной романной прозы – романа «Новь». Далее этот ряд пополнился фигурами из революционных фантазий автора «Что делать?» и трезвыми мыслями-образами романов Лескова. Много невнятицы, да и просто ошибочных мыслей в эту тему внес своей публицистикой Достоевский ¹². А потом, как свидетельствуют современники начала XX века – Ахматова и та же Надежда Яковлевна, в философствующую русскую литературу устремился мощный поток всякого рода интеллектуальных махинаторов от поэзии. Умели они только одно – рушить фундаментальные смыслы и ценности европейской культуры, с большим трудом прививаемым в России XIX веком. Это, кстати, было одной из фундаментальных причин ослабления общества против низового большевистского бунта: обществу, у которого были разрушены объединяющие его ценности, стало не для чего жить и нечего защищать.

Последовавшая за ленинским переворотом и длившаяся более трех лет гражданская война как классическая материализация идеи «войны всех против всех» стала мощным фактором формирования объединения людей

¹⁰ Надежда Мандельштам. Вторая книга. М: Вагриус. 2006. СС. 137 - 138.

¹¹ Возможно, сколько-нибудь успешной попытка говорить о большом может быть только после этапа разговора о большом посредством малого.

¹² Жена Поэта свидетельствует, что Мандельштам «чурался Достоевского». «...Он ощущал Достоевского как вместилище всех бесов и в своих поисках более светлых отношений с людьми закрывал глаза на пророческие прозрения великого каторжанина». Там же. С. 280.

особого типа – «переживших и выживших в гражданской войне». Одной из главных характеристик этого состояния стала **постоянная универсальная ориентация общества на власть**. Ее (власти) последовательный фанатизм и жесткая исполнительская четкость, с одной стороны, и, одновременно, варварское бескультурье и алогизм мышления и поступков с другой, в совокупности делали ее, может быть, самой страшной из бывших в истории. В силу своей природы она была абсолютно рационально непостижимой и потому непредсказуемой. Может быть, единственным обозначаемым ею критерием был всего лишь один, начисто лишенный какого-либо смысла, но зато неукоснительно применявшийся: «наш» - «не наш». Критерий этот базировался на еще более шатких основаниях: так называемом «классовом чутье» и «революционной целесообразности». В сравнении с ними языческие представления об устройстве мира (земля стоит на трех слонах, а слоны – на спине у кита) кажутся верхом содержательности. Как свидетельствует Н. Мандельштам, под критерий «не наш» в отношении очередного арестованного человека общество (а говорит она не о полуграмотных рабочих – вчерашних крестьянах, а о «своем круге») подводило все мыслимое. О нем, например, отзывались: «он такое себе позволял»; «он сказал...»; «у него такой ужасный характер»; «что-то с ним не в порядке»; «чужой человек» и т.д. А если все-таки задавался рациональный вопрос «За что взяли?», то в ответ Ахматова, например, взрывалась: «Как за что? Пора понять, что людей берут ни за что...» Ярлык «не наш» был страшен, а его получение было первым шагом к материализации определяющей эпоху «диалектической» мысли «Кто не с нами, тот против нас».

Новое послеоктябрьское общество **не имело и ни в коем случае не претендовало на то, чтобы иметь какое бы то ни было собственное (общественное) мнение**. Удивительная черта нашей жизни, отмечает Надежда Яковлевна, состоит в том, что мои современники подавали петиции и просьбы, выражали свое мнение и действовали только после того, как выяснялось, что скажут по этому поводу «наверху». Более того. Довольно широк был слой тех, кто был уверен, что ни с кем не может случиться ничего дурного, если человек не совершал никакого преступления и его совесть была чиста. Но эта вера-чувство не существовало само по себе, в отдельности. С ним граничило другое - стремление во что бы то ни стало и при любой возможности власти услужить и, тем самым, как бы приобрести для будущего некий кредит-капитал.

Общество двадцатых годов безоглядно разрушило прежние ценности и нашло новые, как ему казалось, нужные универсальные формулы: «молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждую казнь оправдывали тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного «нового». Случилось то, что и должно было случиться: цель стала оправдывать средства, а потом и вовсе исчезла. И это

нельзя считать только делом большевиков. Сами люди двадцатых годов начали аккуратно отделять своих от чужих, сторонников «нового» от тех, кто еще на забыл самых примитивных правил общежития.

Взаимная слежка стала основным принципом, посредством которого общество самоуправлялось, а власть управляла обществом. «Служащие несли свой мед директору, секретарю парторганизации и в отдел кадров. Учителя при помощи классного самоуправления – старосты, профорга и комсорга – могли выжать масло из любого школьника. Студентам поручалось следить за лектором. Взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира было поставлено на широкую ногу»¹³. Постепенно люди «перестали встречаться друг с другом», чем достигались далеко идущие цели органов. Кроме постоянного сбора информации власть добилась ослабления связей между людьми, в конечном счете - разъединения общества, дополняя слежку теми, с кого брали подписки о «неразглашении». Естественно, что когда «время большевиков» начало иссякать, все эти толпы «подписантов» оказались обречены жить под вечным страхом разоблачения и, как и кадровые служащие органов, стали заинтересованы в незыблемости порядка и неприкосновенности архивов, в которых были их имена.

Общество не только перестало хотя бы минимально самоуправляться. **Оно утратило свой родовой признак – быть связью между людьми.** «...Все промежуточные звенья – семья, свой круг, сословие, общество – внезапно исчезли, и человек очутился перед таинственной силой, которая именуется власть и служит распределителем жизни и смерти. В просторечье у нас это назвалось Лубянка».¹⁴

Но на этом процесс не остановился. Вслед за исчезновением связей **исчезла личность отдельного человека.** Даже закоренелый индивидуалист для того, чтобы утвердиться в индивидуализме, должен иметь точку для отрицания. Еще более это необходимо для нормального становления личности.

Постоянное пребывание в уверенности о неизбежности происходящего и ужаса от совершавшегося **изменило психику общества.** Тотальная необходимость подчинения разрушила личную ответственность и понятие греха. Более того. Происходящее воспринималось (и это последовательно насаждалось властью) как установленное отныне и на века. «Всех охватило сознание, что возврата нет. Это чувство было обусловлено опытом прошлого, предчувствием будущего и гипнозом настоящего. Я действительно утверждаю, что все мы, город в большей степени, чем деревня, находились в состоянии, близком к гипнотическому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру и нам остается только подчиниться исторической необходимости, которая, кстати, совпадает с мечтами лучших людей и

¹³ Надежда Мандельштам. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус. 2006. СС. 49 – 50.

¹⁴ Надежда Мандельштам. Вторая книга. М: Вагриус. 2006. С. 8.

борцов за человеческое счастье. Проповедь исторического детерминизма лишила нас воли и свободного суждения»¹⁵.

Происходящее в реальности настолько напоминало бред, что люди со здоровой психикой предпочитали закрывать глаза. Но «психическая слепота» не проходила даром: **слепота разлагала всю душевную структуру**. В любом случае, ослепление было столь сильно, что когда случилась «хрущевская оттепель», эта перемена приспособившимися, в частности доносившими и сажавшими, была воспринята крайне болезненно: раз людям обещали, что ничего больше меняться не будет, то нельзя допускать никаких перемен. Пусть остановленное время продолжает стоять.

* * *

Как и новое «прибольшевистское» общество, новая большевистская Власть имеет свои корни в гражданской войне. Что же до того круга властей, с которым были связаны Мандельштамы, то он ограничивался сперва некоторыми образованными персонами властной элиты, а впоследствии - исключительно персонажами из карательных отрядов большевиков – ЧК.

Из отличительных признаков большевистской элиты Надежда Яковлевна прежде всего отмечает то же, что и в обществе качество - **постоянную универсальную ориентацию на вышестоящую власть**. Ни о какой публичной или хотя бы внутренней свободе даже у ее почти что высших представителей речи нет. Максим Горький, якобы плакальщик и защитник перед властями представителей русской словесности, по отношению к Мандельштаму выходит строго ориентированным на начальство мелочным чинушей и гонителем. Так, будучи «ответственным» за наделение новых российских писателей «имущественными благами» в виде одежды, против фамилии Мандельштама на просьбе о «выделении» таковой, он собственноручно о потребных штанах написал «Обойдется...».

Н.И. Бухарин, «любимец партии «Бухарчик», до поры до времени делавший попытки «продвигать» стихи Мандельштама и не умевший, по оценке Надежды Яковлевны, делать практических выводов из собственной общественной теории, после сочинения антисталинских стихов столь испугался, что не только перестал помогать, но и принимать жену Поэта.

Что же до природы репрессивной власти, то с момента ее укоренения в государственном и общественном теле и до конца тридцатых – гибели Поэта, она, хотя и претерпела существенную эволюцию, но не изменила своих изначальных целей. А их у нее было много. По оценке Надежды Яковлевны, это было **установление единомыслия, подготовка прихода тысячелетнего царства, искоренение свидетелей, способных что-то запомнить о творимом ее зле и прочее**. При этом, людей снимали пластами по категориям: церковники, мистики, ученые-идеалисты, остроумцы, ослушники, мыслители, болтуны, молчальники, спорщики, люди,

¹⁵ Надежда Мандельштам. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус. 2006. С. 60.

обладавшие правовыми, государственными или экономическими идеями, да еще инженеры, техники и агрономы, потому что появилось понятие «вредитель», которым объяснялись все неудачи и просчеты. В ЧК даже придумали поговорку: «Был бы человек – дело найдется».

Чекисты действительно были передовым отрядом «новых людей» - они подвергали все обычные взгляды коренной сверхчеловеческой ломке. До середины двадцатых годов в тайной полиции Мандельштамы сталкивались в основном с бывшими подпольщиками, окруженными молодежью. Уверенные в своей правоте, они охотно спорили, грубили, агитировали. Постепенно им на смену пришли «круглоголовые блондины» с вымученной манерой «рубашпарней». Затем на их место заступили «молчаливые дипломаты», пытавшиеся произвести впечатление людей с весом и влиянием. И если у первой генерации были свои взгляды, то у последующих никаких взглядов, перевернутых или правильных, не было. Но как первую, так и последующие генерации объединяло одно: **они признавали только собственное кастовое право на мысль и суждение, отрицая таковое за другими.** Они были уверены, что право на суждение определяется и будет определяться положением, чином и рангом.

Из того, что люди власти были людьми, пришедшими с войны, следовало еще одно важное их свойство. Несомненно, что многие были хорошими солдатами, вероятно, проявлявшими воинскую доблесть. Однако то, что требовалось на фронте – выполнять приказы, даже жертвуя собой, происходило в строю. Это, как говорит Надежда Яковлевна, была «служба, а не «битва». Для службы требуется не смелость, а стойкость, подчинение дисциплине, а не нравственному долгу. Человек, потерявший личность, нередко обретает достоинство именно в строю, на войне. В мирное же время он у нас тоже оказывался строевым и подчинялся приказам даже в тех случаях, когда они шли вразрез с его понятиями о долге и чести (у многих ли сохранились эти понятия?)»¹⁶. **Быть строевым человеком, ориентироваться только на приказы, а не на понятия долга и чести, а теперь, как показало последнее десятилетие, для исполнения приказа игнорировать и закон** – еще одна черта тех, кто идет во власть и становится человеком власти.

Власть большевиков все же пришла за Надеждой Яковлевной. Ее арестовали, хотя и ненадолго, поскольку пред этим она успела умереть. «Накануне нового 1981 года, - сообщает подготовивший третью книгу ее воспоминаний Ю.Л. Фрейдин, - в однокомнатную квартирку в Черемушках, где друзья в скорби собрались у ее гроба, явились милиционеры и гэбэшники и насильно увезли в морг. Хорошо еще, что потом дали достойно отпеть и похоронить, а не бросили в безымянную могилу, как за сорок два года до

¹⁶ Надежда Мандельштам. Вторая книга. М: Вагриус. 2006. С. 63.

того в лагере на «Второй речке» под Владивостоком тело ее мужа, поэта Осипа Мандельштама». ¹⁷

* * *

Явление Поэта в мир прошло почти не замеченным. Может быть, наиболее внимательно его жизнь и творчество отслеживала именно Власть, справедливо видевшая в нем одну из наибольших для себя угроз. Сам Мандельштам об этом не без гордости говорил: стихи в России имеют особое значение - за них убивают.

Что же до его кончины, то она была воспринята как совершенно закономерное явление: «не произвела ни малейшего впечатления ни на людей искусства и литературы, ни на читателей. Разве такой анахронизм имел право существовать в «дни великого совета»?» ¹⁸ Горькие слова человека, которому довелось жить и постигать «время большевиков». Но разве они утратили свой экзистенциальный смысл спустя десятилетия, в сегодняшние дни? Почему мы по-прежнему лишены слуха?

Одна из причин этого прискорбного явления, как мне представляется, связана с тем, о чем говорит Надежда Яковлевна: «Дела прошлые, но как отражаются на потомках преступления отцов и дедов?» Думаю, отражаются, и приводят к столь же печальным результатам, как и прежде. По недомыслию, из-за лени или от страха, мы пренебрегли работой глубокого проясняющего анализа «прошлых дел». Более того: мы не выработали защитных мер против того, чтобы эти дела не возникали вновь. На это можно возразить, что со времен так называемой перестройки, в нашу историю и культуру вернулась правда о «времени большевиков». Соглашусь. Но это произошло лишь отчасти, затронув только тех, кто и без того эту правду знал или о ней догадывался и, более того, умел никогда не поддаваться соблазну жить по ее логике. Каждый, кто был готов никогда не принимать «ценностей» большевизма, перестроечным знанием укрепились. Но значительная часть общества и, еще менее, власть не озаботились лечением себя и тех, кто большевизмом был инфицирован или к нему предрасположен. И тоталитарное варварство, небрежение культурой не замедлили дать новые ростки. Похоже, «время большевиков» не ушло. Вот почему при всех переменах мы, по-прежнему, «...живем, под собою не чуя страны...»

С.А. Никольский,
д.филос.н.,
заместитель директора по научной работе
Института философии РАН

¹⁷ Надежда Яковлевна Мандельштам. Третья книга. М: Аграф. 2006. С. 5.

¹⁸ Надежда Мандельштам. Вторая книга. М: Вагриус. 2006. С. 302.

